

А

В. Ф. Ходасевич

Театр Станиславского

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922--1939. -- М.: Согласие, 1996.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Мне было лет восемь, я лежал в оспе и слушал в полубреду разговоры о том, что в Охотничьем клубе, куда однажды возили меня на елку, какой-то Станиславский играет пьесу "Потонувший колокол" -- и там есть русалка Раутенделейн и ее муж, Водяной, который все высовывается из озера, по-лягушачьи квакает "брекекекекс" и кричит: "Раутенделейн, пора домой!" -- и ныряет обратно, а по скалам скачет бес, который закуривает папиросу, чиркая спичкою о свое копыто. После того еще несколько лет до меня доходили рассказы о затеях и новшествах этого странного Станиславского, пока, наконец, не узнал я, что вскоре он открывает в Каретном ряду свой театр со странным названием -- "Художественно-Общедоступный". Театр открылся. Все только и говорили, что о поставленной в нем пьесе "Царь Федор Иоаннович". Газеты были полны статьями о ней. Мне дали рубль на билет, но попасть в этот общедоступный театр оказалось не так-то общедоступно: мне удалось раздобыть билет только, должно быть, на пятнадцатое или двадцатое представление.

Это было в ноябре 1898 года. Мне было двенадцать лет, но я был заправским театралом. Я уже видел в Малом театре не то "Ричарда III", не то "Макбета", я видел Ермолову в "Орлеанской Деве". Я знал, что такое трагедия: это -- плащи, шпаги, латы, сияющие, как зеркала, это -- руки, судорожно сжимающие рукоять кинжала, это -- не люди, а страшные существа, голосом покрывающие раскаты грома, живущие среди ужаса и сеющие вокруг себя ужас. Когда же раздвинулся (а не ушел в небеса) серый занавес Художественного театра, я вдруг увидел обыкновенных людей: царя с незначительным лицом, похожим на печеное яблоко, степенную симпатичную царицу, ее несимпатичного брата. Таких людей (только в других костюмах) я видел вокруг себя каждый день. И когда появилась М. Ф. Андреева -- княжна Мстиславская, -- все кругом зашептали: "Какая хорошенькая! Что за ямочки на щеках! Ах, прелесть!" Все было обыкновенно, просто, почти уютно. И я, который в трагедиях испытывал только ужас и потрясение, на этот раз понял все, что происходило между этими людьми. Но трагедии не было: она осталась в Малом театре.

Спору нет -- детским впечатлениям цена не велика. С другой стороны, и Алексей Толстой -- не Шекспир, даже не Шиллер: трагедийного пафоса в нем немного. Но в том-то и дело, что детские впечатления только подтвердились, когда Художественный театр взялся за Шекспира: в "Юлии Цезаре" он так же соскользнул в археологию, как в "Царе Федоре Иоанновиче", как в "Смерти Иоанна Грозного", как в пушкинском "Борисе Годунове". Это скольжение признал и сам Станиславский в своих воспоминаниях. По-видимому, он считал, что причина была в актерской неопытности, в неумении. На самом деле она лежала глубже: артисты Художественного театра не умели и никогда не научились играть трагедию, потому что трагедия не умещалась в их мироощущении. Не только отдельным актерам, но и всему театру в целом трагедия всегда была не по плечу, не по голосу, не по размаху. Чем более трагедийного элемента было в пьесе, тем слабее она удавалась. Поэтому "Царь Федор" вышел лучше "Смерти Иоанна Грозного", "Смерть Иоанна Грозного" -- лучше "Бориса Годунова" и "Борис Годунов" -- все-таки лучше "Юлия Цезаря".

Именно потому, что театр не обладал ни внутренним тяготением к трагедии, ни даже чувством трагизма, он всякий раз уклонялся от разрешения тех творческих проблем, которые прямо подсказывались подлинным содержанием пьесы, и от центральной, трагедийной линии уходил на какую-нибудь боковую, которая и получала преобладающее значение во всей постановке. В перечисленных пьесах такой линией была археологическая, историко-бытовая. В так называемом "Пушкинском спектакле" ("Каменный гость", "Пир во время чумы", "Моцарт и Сальери") -- живописная. В "Гамлете" философическая проблематика Шекспира принуждена была уступить место чисто формальным постановочным исканиям Станиславского и Гордона Крэга, и вся благородная кровь Шекспировых героев оказалась пролитой за то, чтобы декорации были заменены ширмами, а мебель кубиками.

Так же как трагедия, Художественному театру не давалась фантастика. "Снегурочку" он поставил одновременно с Новым театром, где подвизались молодые, но не лучшие силы Малого. В постановке Нового театра было вдоволь банальщины, слащавости и дешевки. В Художественном все было ново и